

Мур Ирина Юрьевна

Вулвергемптонский университет, Великобритания

I.Moore@wlv.ac.uk

Лингвистический ландшафт как средство анализа языковой ситуации и языковой политики в пост-советском пространстве

В статье рассматривается использование междисциплинарного метода анализа лингвистического ландшафта в ситуации деруссификации и изменения языковой политики в пост-советском пространстве. Изложены его главные черты и потенциальные возможности для описания положения русского и других языков в странах ближнего зарубежья в эпоху глобализации и развития процессов мультилингвализма в социокультурных коммуникативных практиках.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, деруссификация, пост-советский, языковая политика.

Изучение свойств знаков и знаковых систем традиционно считается областью исследований семиотики, однако с недавних пор они стали фокусом анализа специфических социолингвистических исследований, а именно, анализа лингвистического ландшафта. Политико-экономические и культурные изменения в обществе и вызванные ими процессы глобализации привели к изменениям условий функционирования языков, что в свою очередь потребовало нового подхода к их анализу. Изучение лингвистического ландшафта городов, сел и даже отдельных организаций дает возможность новых перспектив описания и понимания языковых контактов, повседневного существования языков и языковой политики различных стран. Целью данной статьи является краткий обзор основных работ в этой области, а также обсуждение потенциальных возможностей использования метода анализа лингвистического ландшафта при изучении положения языков в ситуации деруссификации в пост-советском пространстве.

Анализ лингвистического ландшафта ставит своей целью идентификацию информативных и символических функций лингвистических знаков в публичном пространстве. Как отмечает П. Бакхауз¹, понятие «ландшафт» и его варианты, такие как «медиа-ландшафт» (mediascape), «финансовый ландшафт» (financescape) и др. стали появляться в научной литературе с конца XX века. В социолингвистических исследованиях термин «лингвистический ландшафт» (далее – ЛЛ) был впервые

¹ Backhaus, P. Linguistic Landscapes. A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo / Clevedon-buffalo-Toronto: Multilingual Matters. 2007. P. 10.

употреблен в статье Р. Ландри и Р. Борхиса² в 1997 году. Авторы дали следующее его определение: «Язык дорожных знаков, рекламных щитов, названий улиц, названий мест, коммерческих вывесок, а также общественных знаков на фасадах государственных учреждений в совокупности формирует лингвистический ландшафт данной территории, региона или городской агломерации» (Здесь и далее перевод наш – И.М.).

Следует отметить, что исследования в данной области проводились и раньше, однако термин ЛЛ в них не использовался. Подробный обзор этих работ, ставших базой для более поздних исследований, дается в третьей главе книги П. Бакхауза³.

Интерес к методу анализа ЛЛ постоянно растет, о чем свидетельствует значительное количество монографий и статей, опубликованных в различных изданиях и научных журналах, включая специальный выпуск «Международного журнала по вопросам мультилингвализма» (2006)⁴. В 2015 году выйдет первый номер нового международного журнала «Лингвистический Ландшафт» (Linguistic Landscape) под редакцией И. Шохами и Е. Бен-Рафаэля⁵. Понятие ЛЛ регулярно включается в тематику международных конференций. На недавнем 17-ом Мировом конгрессе Международной ассоциации по прикладной лингвистике, проводившимся в 2014 году в Брисбане, работала специальная секция ЛЛ.

Большинство исследований первого десятилетия XXI века характеризуется научным осмыслением данного метода, связанным с разработкой его терминологии и методологии, расширением его функций и областей применения. Так, например, исследования письменного текста в общественном пространстве анализируют не только статичные лингвистические знаки (названия улиц, рекламных щитов и вывесок), но и лингвистические знаки на движущихся объектах (транспорте, одежде и даже на теле (татуировки)), а также язык интернет-сайтов, электронных рекламных щитов и интерактивных информационных дисплеев в банках, на вокзалах и в аэропортах. В связи с этим, ряд исследователей предложил ввести новый термин - «семиотический ландшафт»⁶, аргументируя свое предложение тем, что в современном мультимедийном

² Landry R., Bourhis R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: an empirical study // Journal of Language and Social Psychology. 1997. № 16 (1). P.25.

³ Ibid Pp. 12-53

⁴ Gorter D. (ed.) Linguistic Landscape: A new Approach to Multilingualism // International Journal of Multilingualism. (special issue).2006. 89 p.

⁵ Shohamy E., Ben-Rafael E. (eds.) Linguistic Landscape – an International Journal. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 2015. (first edition in preparation).

⁶ Jaworski A., Thurlow C. (eds.) Semiotic Landscapes – language, image, space. London-New York: Continuum. 2010. 298 p.

мире общественное пространство используется как семиотический ресурс. В то же время, такие изменения в ракурсе и предмете анализа И. Шохами называет «мульти-модальностью» ЛЛ: «ЛЛ является молодой и динамичной областью исследований последних десяти лет, в центре анализа которой находится общественное пространство, часто упускаемое из вида прикладными лингвистами. Такой подход к анализу расширяет наше понимание функционирования языков, поскольку он объединяет в одно целое изучение письменных лингвистических знаков, визуальных образов, звуков, движения и других мульти-модальных источников информации»⁷.

Вышеприведенный пример иллюстрирует новизну и динамичность развития данного метода. В ученых кругах дискутируется не только предмет его исследований и название, но и унификация его терминологии, функции и области применения. Так, Е. Бен-Рафаэль классифицирует знаки как «идущие сверху вниз» (top-down), т.е. установленные властями, и как «идущие снизу вверх» (bottom-up), т.е. установленные частными лицами и предприятиями⁸. Тогда как в более ранней работе Л. Ж. Кальве разделяет их на *in vitro* (т.е. из пробирки, искусственные, государственные) и на *in vivo* (т.е. живые)⁹. В своей основополагающей статье Р. Ландри и Р. Борхис выделяют две основные функции ЛЛ: информационную и символическую. Первая позволяет выяснить распределение языков в определенном районе и показать баланс власти между различными группами языков, тогда как вторая связана с личностной идентификацией жителей района, особенно в тех местах и ситуациях, где «язык является наиболее важным измерением этнической идентичности»¹⁰. Несколько позднее к этим двум функциям Н. Купланд добавляет третью, связанную с выражением целей местной языковой политики, т.е. с «желаемым» использованием языка¹¹.

Методологические дискуссии в области анализа ЛЛ можно суммировать следующим образом: 1. проблема сбора данных (где именно, в каком размере); 2. проблема единицы анализа; 3. проблема категоризации знаков; 4. проблема четкого определения языков на знаках.

⁷ Shohamy E. Linguistic Landscape research as a means for broadening language policy theory and practice. 2014. (notes from the unpublished paper presented at the 17th AILA World Congress).

⁸ Ben-Rafael E., Shohamy E., Amara M. H. & Trumper-Hecht N. Linguistic Landscape as symbolic construction of the public space: the case of Israel // *International Journal of Multilingualism*. 2006. Vol. 3 (1). Pp. 7-30.

⁹ Calvet L.-J. Des mots sur les murs: Une comparaison entre Paris et Dakar // *Des langues et des villes* / Chaudenson R. (ed.) 1990. Pp. 73-83.

¹⁰ Landry R., Bourhis R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: an empirical study // *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. № 16 (1). Pp.25-29.

¹¹ Coupland N. Welsh Linguistic Landscapes 'from above' and 'from below' // *Semiotic Landscapes: Language, Image, Space* / Jaworski A., Thurlow C (eds.), London: Continuum. 2010. Pp.77-101.

Географический охват исследований ЛЛ довольно широк. П. Бакхауз в своей работе, посвященной анализу мультилингвизма в Токио, ссылается на ряд исследований, проведенных в Индии, Израиле, Тайване, Тайланде, Уганде, Бразилии, а также в различных европейских странах.¹²

Следует заметить, что количество работ, анализирующих ЛЛ в пост-советском пространстве сравнительно невелико. А. Павленко¹³ упоминает исследования, проведенные на территории восьми из шестнадцати бывших советских республик в период с 2000-го по 2009-ый год (Россия, Беларусь, Украина, Молдова, Кыргызстан, Азербайджан, Узбекистан, Эстония). Нам также удалось найти работу немецкого исследователя С. Муса¹⁴, посвященную анализу ЛЛ Вильнюса (Литва). К этому списку следует добавить еще три исследования, проведенные за последние четыре года в Латвии, Украине и Казахстане: Х. Ф. Мартен¹⁵, А. Павленко¹⁶, И. Мур¹⁷.

Каковы же возможности применения метода анализа ЛЛ в постсоветском пространстве? Если большинство западных исследований имело синхронный характер, то бывшие республики СССР предоставляют исследователю плодотворную почву для диахронного анализа ЛЛ, поскольку за последние двадцать лет их символический ландшафт подвергся значительной трансформации, отражающей политические, экономические и культурные изменения. В период с 1991-го года все бывшие республики Советского Союза подверглись процессу десоветизации, который в лингвистическом плане вылился в политику деруссификации и укрепления положения титульных языков. Это нашло свое отражение в изменении статуса государственных языков, языка образования, средств массовой информации и других сфер общественной деятельности. Лингвистический ландшафт стал именно тем инструментом, который позволяет выявить расслоение общества и связанные с ним языковые конфликты, определить статус различных языков в мультилингвальном обществе, а также зарегистрировать изменения их функционирования. А. Павленко выделяет пять

¹² Backhaus, P. *Linguistic Landscapes. A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo* / Clevedon-buffalo-Toronto: Multilingual Matters. 2007. 158 p.

¹³ Pavlenko A. Multilingualism in post-Soviet countries // *International journal of bilingual education and bilingualism*. 2008. №11 (3-4). Pp. 275-314.

¹⁴ Muth S. Multiethnic but multilingual as well? – *The Linguistic Landscapes of Vilnius* [Электронный ресурс] // URL: <http://www.biecoll.ub.uni-bielefeld.de> (дата обращения 29.01.2015).

¹⁵ Marten H. F. Linguistic Landscape under strict state language policy: reversing the Soviet legacy in a regional centre in Latvia // *Linguistic landscape in the city* / Shohamy E., Ben-Rafael E. (eds.) *Multilingual Matters*, 2010. Pp. 115-132.

¹⁶ Pavlenko A. Linguistic Landscape of Kiev, Ukraine: a diachronic study // *Linguistic landscape in the city* / Shohamy E., Ben-Rafael E. (eds.) *Multilingual Matters*, 2010. Pp. 133- 150.

¹⁷ Moore I. Negotiating public space: post-Soviet linguistic landscape in Kazakhstan // *The International Journal of Communication and Linguistic Studies*. 2014. Vol. 11 (4). Pp. 1-21.

категорий изменения режима функционирования языков, вызванные социально-политическими событиями, которые находят отражение в изменении ЛЛ: «стирание языка, замена языка, изменение статуса языка, регулирование языка и трансгрессия лингвистических знаков».¹⁸ Рассмотрим некоторые из этих категорий немного подробнее.

Стирание языка – процесс намеренного удаления какого-либо языка из публичного пространства. В пост-советском пространстве таким языком стал русский. Данный процесс начался еще в советские перестроечные годы, когда в 1988 году Эстония выдвинула требование повысить статус эстонского языка, сделав его государственным языком республики. В течение года почти все остальные республики включили это требование в свою политическую «повестку дня». Языковая политика находит прямое отражение в изменении ЛЛ, поскольку публичное пространство является центральной ареной ее формирования и внедрения. Наиболее ярким примером могут служить прибалтийские республики, а также некоторые республики Средней Азии. Практически в одночасье русский язык исчез с табличек с наименованием улиц, с дорожных указателей и других публичных объектов Эстонии, Латвии, Литвы, Туркменистана и Узбекистана. А. Павленко пишет, что стирание языка может происходить тремя способами: 1. полной заменой старых двуязычных знаков новыми одноязычными; 2. удалением одного языка (например, закрашивание или соскребание слов); 3. модификацией отдельных букв в знаках с родственными языками. Первые два способа широко применялись в Прибалтике, третий – в Украине и Беларуси.¹⁹

Исследования процесса деруссификации путем стирания языка могут оказать помощь в понимании изменения режима функционирования языков, а также связанных с ним лингвистических и гражданских прав человека.

Изменение статуса языка – статус языка может быть повышен или понижен путем изменения его положения на знаках или изменением его визуальной репрезентации (цвет, размер, количество информации на языке). Данный процесс налицо во всех «нерусских» республиках: в них произошло повышение статуса титулярного языка и понижение статуса русского языка.

Интересным примером являются результаты нашего исследования, проведенного в Казахстане в 2013 году. Конституция 1989 года объявила казахский

¹⁸ Pavlenko A. Language conflict in post-Soviet Linguistics landscape // Journal of Slavic Linguistics. 2009. №17 (3-4). P. 253.

¹⁹ Ibid. P. 255.

государственным языком страны, тогда как статус русского был понижен до языка межэтнического общения. В новой конституции 1995 года в связи со сложной социально-демографической и языковой ситуацией статус русского языка был поднят до официального, однако его положение в публичной сфере осталось без изменений (все знаки должны быть билингвальными, русский язык расположен после казахского). Следует добавить, что с 2007 года усилились дискуссии о переводе казахского языка с кириллицы на латиницу. Как видим, правительство страны приложило немало усилий в социальное репозиционирование русского и казахского языков. Нашей задачей было выяснить насколько практическое использование языков совпадает с официальной языковой политикой. Анализ более 400 фотографий публичных знаков, собранных в трех административных районах Астаны (новой столицы Казахстана) показал значительное расхождение между официальной языковой политикой и политикой *de facto*. Присутствие казахского языка особенно ощутимо в новом районе города, где расположены все правительственные учреждения, а значит и знаки, идущие «сверху вниз» (top-down). Тем не менее, общее количество монолингвальных русских знаков и билингвальных знаков с русским языком на первом месте (идущих «снизу вверх» (bottom-up)) значительно превалирует. Таким образом, казахский язык в данный момент играет символическую роль, отражающую «желаемые» цели языковой политики правительства, в то время как русский язык отражает реальную социально-коммуникативную практику населения.

Метод анализа ЛЛ все чаще находит применение и для описания меняющейся языковой ситуации в крупных городах РФ. Как пишет А. В. Кирилина, «при его помощи изучаются смена моральных установок, изменение функционирования языка, его семантики и прагматики, устанавливаются зоны вторжения и распространения других языков»²⁰.

Надеемся, что изложенное позволило выявить большие потенциальные возможности ЛЛ как инструмента исследований в пост-советской социолингвистике в синхронном и диахронном плане.

Moore I.Y.

University of Wolverhampton, United Kingdom

²⁰ Кирилина А. В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации // Вестник ТвГУ. Серия Филология. 2013. № 24 (5). С. 164.

Linguistic Landscape as a tool for the analysis of linguistic situation and language policies in post-Soviet space

This article looks at the use of the interdisciplinary method of linguistic landscape studies in the situation of de-russification and language policy change in the post-Soviet space. Its main features are described along with its potential as a tool for the analysis of the status of Russian and other languages in ex-Soviet republics. This method of inquiry might be useful for analysing language processes resulting from globalisation, development of multilingualism, and changes in language practices.

Key words: linguistic landscape de-russification, post-Soviet, language policy